

Ни любви, ни ненависти

Спектакли, поставленные Камышинским драматическим театром в нынешнем сезоне, свидетельствуют о его значительном творческом росте. Он определяется прежде всего тем, что во главе коллектива встал опытный и энергичный режиссер, засл. деятель искусств Дагестанской АССР П. Джапаридзе, что рядом с ветеранами камышинской сцены играет сейчас много молодых артистов. Именно в обновлении театра — основа его успехов, именно поэтому получили заслуженное признание зрители такие спектакли, как «Веселка», «О личном», «Они продолжают путь».

И, казалось бы, разговор об этих удачах театра сейчас вполне уместен и своевременен. О чем же, собственно, говорить, как не о том, что творческий застой последних лет начинает уходить в прошлое. А о тех просчетах, которые допустил театр, поставив спектакль «Любовь и ненависть», можно бы сказать в заключение, скороговоркой, как о неизбежных издержках роста, как о недостатках, так сказать, устранимых в дальнейшей работе. Получилась бы вроде объективная и исчерпывающая оценка.

И все же речь здесь пойдет только о спектакле «Любовь и ненависть». По нашему мнению, он обнаруживает некоторые неправильные тенденции в подборе репертуара, свидетельствует о том,

что корни невзыскательного отношения к творчеству еще живы в камышинском театре.

Действие пьесы происходит в 1943 году за линией фронта, где-то в Приазовье. В маленьком городке, оккупированном гитлеровцами, действует партизанское подполье. Его силы направлены к тому, чтобы облегчить наступление Советской Армии.

Тема, разумеется, большая и интересная, она дает возможность ярко показать мужество и героизм, проявленные советскими людьми в годы Великой Отечественной войны. Но, к сожалению, в воплощении этой темы автор пьесы Ефим Гринин пошел той дорогой, по которой за последние годы бодро и стремительно прошагал множество литераторов, именующих себя представителями приключенческого жанра. Речь идет о таких произведениях, которые поначалу привлекают читателей и зрителей занимательным развитием действия, сложностью и запутанностью интриги. Но потом выясняется, что за всем этим нет ни большого чувства, ни свежей мысли, что эта внешняя занимательность лишена глубоких жизненных обоснований, она — плод лишь неумной фантазии автора и является для него исключительно самоцелью. То есть сюжет ради сюжета, интрига ради интриги. О том, как дале-

ки подобные произведения от подлинного искусства, двух мнений, полагаем, быть не может.

В своей пьесе «Любовь и ненависть» Е. Гринин повторяет те ошибки, которые стали для произведений приключенческого жанра традиционными. В пьесе нет четко очерченных характеров, глубокого раскрытия внутренней жизни героев, убедительного обоснования их поступков. Более того, досмотрев спектакль, убеждаешься, что сюжет, все основные ситуации пьесы весьма искусственны, условны. Порой они кажутся очень эффектными, но если их сверить с жизнью, обнаружится явное неправдоподобие, надуманность.

В центре пьесы — Галина Петрусенко. Что это за человек, как она жила до войны, неизвестно. Перед зрителями она предстает только как опытный разведчик, обеспечивающий успех всех действий партизанского подполья. Петрусенко с удивительной легкостью водит за нос матерых гитлеровских офицеров, в том числе полковника Крейца, изрядно понаторевшего в разведывательной службе. Главное оружие Галины Петрусенко в том, что она, по словам одного из гитлеровцев, «свежа и душиста, как тюльпаны в садах Берлина». Достаточно этой «очаровательной фрейлен» предстать перед фашистским офицером и, улыбаясь, заявить, что в Одессе она служила переводчицей у обергруппенфюрера Вильгельма Гортнера, как перед ней открываются двери в разведотдел германского

укрепрайона, она обретает дружеское расположение гитлеровцев. Никаких документов у нее не спрашивают, ей верят на слово.

В результате получается, что работа разведчика во вражеском тылу — весьма легкое и простое дело, полное, правда, острых ощущений, но не требующее ни большой специальной подготовки, ни редкого мужества, ни исключительной твердости характера.

Это с одной стороны. С другой же — в пьесе фальшиво представлен жестокий и расчетливый враг, в единоборстве с которым советский народ добился небывалой исторической победы, только мобилизовав все свои силы, всю свою волю. То, что происходит в пьесе, выглядит так, будто гитлеровская армия — это не отменно вымуштрованная военная машина, обладающая высокой дисциплиной и большим опытом боевых действий, а сборище беспечных и наивных шалопаев, озабоченных прежде всего тем, как провести очередной вечер.

В пьесе «Любовь и ненависть» непомерно большое место занимают разговоры о «преlestных дамах» и «изящных формах», причем этим разговорам придается такое значение, будто они имеют существенное значение в развитии действия. Столь же иллюзорную роль выполняют в пьесе и целые сцены, без которых ничто не изменилось бы. Они служат единственно для того, чтобы «пошекотать» нервы зрителей, при этом средствами весьма сомнительными.

Чтобы наше утверждение не

было голословным, вот пример. Обер-лейтенант Хлюзе должен быть уничтожен. Этот молодчик приходит к Галине домой, где в шкафу спрятался Семен — ее муж. Начинаются волнительно-прикитантные разговоры. Хлюзе откровенно и пространно высказывает свои глубокомысленные суждения относительно «вина, женщины и любви». И не только высказывает, но одновременно пытается на деле осуществить свои принципы...

Семен все это время терпеливо сидит в шкафу. По заранее намеченной диспозиции, он может выскочить оттуда только после того, как Галина воскликнет «Ах!». Но Галина не торопится (не позволяет автор, видимо считающий это не сценичным), и Семен мужественно переносит все испытания. Традиционное «Ах!» произносится именно в тот момент, который можно обозначить не иначе, как «многоточием». И только теперь, как говорится в авторской ремарке, «Семен распахивает дверцы шкафа, рукояткой парабеллума бьет фон Хлюзе по голове, тот бессильно валится на Галину и соскальзывает на пол».

Нельзя сказать, что вся пьеса Е. Гринина выдержана в этом духе. Ряд сцен, где действие происходит в партизанском подполье, проникнуто настоящим драматизмом, в них есть попытка обрисовать лучшие черты советских людей. Но эти сцены не могут изменить общее впечатление.

Все, что говорилось о пьесе, приложимо и к спектаклю. Режиссер Г. Силаев, очевидно, целиком разделяет точку зрения автора и перенес пьесу на сцену по существу в том же виде, в котором она написана.

Здесь нельзя не отметить, что пьеса принадлежит местному, камышинскому автору. Мы намеренно не говорили об этом в начале, ибо, по нашему мнению, для оценки любых художественных произведений существует только один единственный критерий. Конечно, если камышинский или сталинградский театр поставит пьесу, написанную на местном материале, положим, о героическом Сталинградском сражении или о славных строителях величайшей в мире гидростанции, то приветствуя появление такого произведения, зрители могут простить молодым драматургам некоторые недостатки и недоработки. Но в данном случае перед нами пьеса, которая ничуть не связана с местной жизнью, и ее оценка должна вестись без всяких скидок.

Когда идет спектакль «Любовь и ненависть», зрители, захваченные неожиданностью некоторых ситуаций, порой очень бурно реагируют на то, что происходит на сцене. Но, покинув зал, они не могут не почувствовать идейную пустоту спектакля — в нем нет ни любви, ни ненависти. Он настолько же бессодержателен, насколько претенциозно названо пьесы.

Е. КРИВИЦКИЙ.